

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ПРОСТО О ВАЖНОМ»

~ НАТАЛЬЯ РЕМИШ ~

МОЯ ЛОЛА

ЗАПИСКИ
~МАТЬ~
И
~МАЧЕХИ~

МИО

Наталья Ремиш
Моя Лола. Записки
мать-и-мачехи
Серия «МИФ Детство»
Серия «Ремиш о важном»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69865156

Моя Лола. Записки мать-и-мачехи / Наталья Ремиш: Мани, Иванов и

Фербер; Москва; 2023

ISBN 9785001954996

Аннотация

Личная история Натальи Ремиш о том, какой путь она прошла, чтобы полюбить чужого ребенка, и о том, как чужой ребенок стал родным.

Это не просто история об отношениях женщины с дочерью мужа от первого брака, которая стала родной и близкой дочкой. И это больше, чем история конкретной семьи, которую кто-то знает по блогу Натальи Ремиш. Это сага о сложных семейных отношениях, где находится место любви и непониманию, ссорам и примирениям, принятию и отторжению. Где есть место настоящему горю, и место, чтобы его пережить. Где отдельные ниточки – между мужем и женой, между детьми и их

отцом, между кровными и некровными детьми, между мачехой и подростками – спутываются в клубок, в котором можно по-настоящему потерять себя, и снова найти, уже в новом качестве.

В этой подкупающе честной истории каждый найдет что-то для себя.

От автора

Я писала эту книгу семь лет. Первые заметки начала делать, когда Лоле было одиннадцать, а закончила в день ее восемнадцатилетия. За эти годы я сильно изменилась как человек, как мама, как писатель. Именно благодаря моим детям я стала тем, кто есть. Я смотрела на них и видела маленькую себя. Я хотела быть для них поддержкой, защитой, ролевой моделью. Но далеко не всегда это удавалось. Слишком много осколков детских травм осталось в сердце – их нужно было вытащить и сначала вылечить себя. Однако, когда ты уже мама, найти время на собственное развитие очень непросто. А когда детей несколько, это кажется нереальной сверхзадачей.

Когда я это поняла, мне захотелось поделиться с вами, рассказать о том пути, который я прошла. Надеюсь, что мой опыт кому-то поможет, подскажет правильные ответы. Как и остальные, я не все делала идеально, допускала ошибки, но я старалась их принимать и идти дальше, искать выход – честный и справедливый для всех. Я старалась делать выбор в пользу мира с детьми вместо войны, в пользу формирования безопасности вместо давления. Именно дети, как зеркало, показывали мне те стороны меня, которые мне не хотелось видеть. Они поднимали вопросы, на которые у меня не было ответов, и нужно было сначала ответить честно самой себе и лишь потом возвращаться

с объяснением к детям. Благодаря им я вернула себе себя, стала в десятки раз сильнее и свободнее.

Для кого эта книга

Для родителей.

Для любителей психологии.

Для всех, кто интересуется психологией и родительством.

Публикуется впервые.

Содержание

От автора	7
Что было до...	9
ЧАСТЬ 1. Из России – за любовью	16
Знакомство	16
Нигина	23
Первая встреча	35
Вторая встреча: римские каникулы	42
Чашки, ложки и ковры	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Наталья Ремиш

Моя Лола. Записки

мать-и-мачехи

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

© Ремиш Наталья, текст, 2023

© Гасумян Евдокия, иллюстрация на обложке, 2023

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

От автора

Я писала эту книгу семь лет. Первые заметки начала делать, когда Лоле было одиннадцать, а закончила в день ее восемнадцатилетия. За эти годы я сильно изменилась как человек, как мама, как писатель. Именно благодаря моим детям я стала тем, кто есть. Я смотрела на них и видела маленькую себя. Я хотела быть для них поддержкой, защитой, ролевой моделью. Но далеко не всегда это удавалось. Слишком много осколков детских травм осталось в сердце – их нужно было вытащить и сначала вылечить себя. Однако когда ты уже мама, найти время на собственное развитие очень непросто. А когда детей несколько, это кажется нереальной сверхзадачей.

Когда я это поняла, мне захотелось поделиться с вами, рассказать о том пути, который я прошла. Надеюсь, что мой опыт кому-то поможет, подскажет правильные ответы. Как и остальные, я не все делала идеально, допускала ошибки, но старалась их принимать и идти дальше, искать выход – честный и справедливый для всех. Я старалась делать выбор в пользу мира с детьми вместо войны, в пользу формирования безопасности вместо давления. Именно дети, как зеркало, показывали мне те стороны меня, которые мне не хотелось видеть. Они поднимали вопросы, на которые у меня не было ответов, нужно было сначала ответить честно са-

мой себе и лишь потом возвращаться с объяснением к детям. Благодаря им я вернула себе себя, стала в десятки раз сильнее и свободнее.

Наташа Ремин

Что было до...

Я всегда любила детей. В моем детстве, когда родители приглашали домой гостей, я особенно радовалась, если приходили маленькие дети. Я могла часами возиться с ними в своей комнате и чувствовала себя абсолютно счастливой. Мне казалось, что только дети полны искренности, открытости, им все интересно, они говорят, что думают, и думают, что говорят.

Позже это распирающее изнутри чувство счастья я ощутила, когда в мою жизнь пришла племянница и мне стали ее отдавать погулять. Она называла черное черным, белое белым, расстраивалась, когда ей не давали то, что она хочет, и радовалась, когда получала желаемое. С ней все было предельно честно и открыто. Она задавала прямые вопросы и радовалась совместному времени. С ней я могла быть собой, с ней все было по-настоящему, с ней мне больше не было одиноко.

Одиночество – основное чувство моего детства. Большинство моих решений были обусловлены бегством от одиночества. Мне было одиноко в семье, одиноко с сестрой, одиноко в школе. У меня было много вопросов к миру, и мне очень редко давали на них ответы. Чаще всего и спрашивать было бесполезно, потому что люди боятся вопросов, сами не понимая, каким должен быть правильный ответ.

Мне было важно говорить о значимых для меня вещах и видеть, что мои мысли и чувства для кого-то важны. Но та система отношения к детям не предполагала значимости их эмоционального мира. Покормить, одеть, уложить, сделать все для здоровья – да. А то, что ребенку может быть грустно, обидно, страшно, горько, причем часто именно из-за отношений с близкими людьми, – это не принималось в расчет. Я знаю, что так жили и продолжают жить очень многие дети. Их проблемы не кажутся значимыми, а потому коммуникация вокруг их чувств в основном обесценивающая, осуждающая, обвиняющая.

«Сама виновата».

«Ой, тоже мне проблема».

«Как тебе не стыдно так говорить».

«Иди лучше сделай уроки».

Вся моя жизнь – это попытка найти человека, который не будет игнорировать мои чувства или обвинять, а просто скажет «дай обниму». Но мы, выросшие в подобной системе воспитания, даже не знаем, что «дай обниму» может быть решением многих проблем. Что принятие тебя, с твоими эмоциями, подтверждение твоего права на них – это уже колоссальная поддержка.

Традиционно воспитание детей ложится на женщин. Именно нам приходится заниматься их психологической поддержкой, и чем больше детей, тем больше это требует ресурса. А ведь еще нужно готовить, стирать, убирать и делать

сотню других дел, так что сил на душевные разговоры иногда просто не хватает. И тут бы сделать выбор в пользу разговоров – пусть бардак и бутерброды на ужин. Но, воспитанные в стиле «хорошая хозяйка», наши мамы во главу угла ставили домашние дела. Да и какие «давай обниму», если им самим никто так не говорил? Эту модель поведения нужно с кого-то списать, а им было не с кого.

В итоге уже в двенадцать лет мои мысли крутились вокруг суицида, мне было до боли одиноко. Свои мысли я излагала в бесконечных дневниках. Каждый день я обращалась к вымышленному ТОМу (Тайну Открою Мою), а буквы, написанные голубой шариковой ручкой, расплывались под градом слез. Я пряталась в шкафах и чуланах – там было хорошо и спокойно. Обустроивала чердак на даче и читала, писала стихи и просто смотрела на небо, валяясь в гамаке. Я знала: взрослые туда почти не заходят, так что никто не вытащит меня из моего воображаемого мира. Там я могла спрятаться от слов, которые меня ранили, взглядов, которые были мне неприятны, молчания, которое обдавало холодом.

У меня были вечно занятая домашними делами мама и вечно работающий папа. Они не разговаривали со мной о важном, но давали мне другое. Оба считали меня невероятно креативной, творческой и умной и всегда восторгались всеми моими проектами. Напишу ли я книгу или сколочу из досок машину, которая никуда не едет, – сам факт, что мне пришлось это в голову, вызывал у родителей восторг.

«Наташка у нас не пропадет», – говорил папа. «Ну какая ты у нас выдумщица!» – восхищалась мама.

В результате именно эти свои качества я безоговорочно принимаю как сильные. Что лишний раз доказывает, как важно замечать в детях хорошее.

Зато те качества, которые критиковали, даже со временем ни на йоту не изменились в лучшую сторону, а только добавляли неуверенности в себе.

В подростковом возрасте все комплексы расцвели, а буллинг в школе добил мою самооценку. Мальчики казались недостижимыми, другие девочки слишком свободными, зато дети друзей моих родителей или просто маленькие дети во дворе были для меня безопасны. Я решила, что, когда вырасту, буду работать с детьми – стану врачом или учителем. Никаких других профессий, связанных с детьми, я тогда не знала.

Я видела детей с их искренними эмоциями и не понимала, как получается, что из них вырастают взрослые, которые лишают детей права на эмоции. Вы ведь были на их месте! Вы ведь помните, как это обидно, когда вы плачете, а вам в ответ: «Не реви, ты что, не мужик?» Неужели вы забыли? И я стала записывать такие ситуации в дневник. Я боялась, что, когда вырасту и стану мамой, тоже забуду, как это – «быть ребенком».

К институтским годам я ужасно устала от этого вечно-го одиночества и решила попытаться стать чуть более со-

циальной. Посмеяться, если надо мной смеются. Подшутить над кем-то, потому что тогда и другие тоже посмеются. Надеть суперкороткую юбку и каблуки, напиться, поехать в клуб и танцевать на барной стойке. Там не надо думать, не надо чувствовать. Там просто весело, особенно если постоянно держишь градус алкоголя.

При этом я продолжала обижать других людей. Казалось бы, ты все знаешь об отвержении, о том, как бывает больно, когда ты хочешь быть с кем-то, а тебе не дают даже шанса. Однако ты идешь по тому же пути, потому что только так получаешь возможность заполнить дыру, которая сформировалась за долгие годы в душе. Ты заводишь подруг, вступаешь в контакты с мужчинами, которые становятся от тебя зависимы. Ты не берешь трубку по десять раз, насмешливо показывая друзьям за столом экран телефона. Ты обещаешь приехать и не приезжаешь. Начинаешь встречаться и исчезаешь. Тебе кажется, что если нет драмы, если отношения не похожи на эмоциональный вулкан, то это и не отношения, а скука какая-то. Ты поддерживаешь контакты со всеми сразу, всем обещаешь прийти вечером на встречу и в итоге отключаешь телефон и не идешь никуда, получая моральное удовольствие от того, что тебя где-то ждут. Ты кому-то нужна.

И в этом постоянном круговороте друзей, мужчин и пьянок у тебя нет времени, чтобы понять, что ты сама хочешь. Зачем эти отношения, в которых ты просто приложение

к машине, эта подруга, которая постоянно нарушает твои границы, эта сумка, на которую ты потратила огромную сумму денег. Калейдоскоп бессмысленных связей, которые кажутся нужными, но от которых устаешь. А потом ты приезжаешь на дачу к родителям, где папа встречает у входа, мама делает чай, и там Даша, племянница, такая же настоящая, искренняя, еще ребенок, не растерявший свое «я». И ты можешь обняться с ней на диване и почувствовать, что вот она тебя точно любит – такой, какая ты есть. Даша навсегда осталась для меня островком безусловной любви – даже сейчас, когда она ровесница моим детям, мы храним ту же глубину и чистоту отношений.

После нескольких сложных отношений я начала ходить к психологу. Я бы не пошла, если бы меня не отправила туда гинеколог, к которой я пришла пятый раз за месяц. «Вы здоровая женщина, у вас все хорошо. Идите к психологу», – сказала она, и с этого начался мой путь к себе.

Психолог учил меня, что ошибаться не страшно. Что можно сказать «да, я неправа», что вместо «ты ужасный человек» я могу сказать «мне очень больно от твоих слов». Сначала это казалось невероятным. Ведь тебе в ответ только сделают больнее. Зачем? Но это и есть ты, без масок и оружия. Сила в слабости, сила в том, чтобы быть собой, в том, чтобы сказать «мне больно», «мне грустно», «мне обидно», но важно говорить это тем, кто ответит: «Я понимаю. Давай обниму».

На этом этапе я и встретила свою будущую семью. Казалось, что все будет стабильно, спокойно и безопасно. Именно здесь мои чувства наконец будут важны, я смогу быть собой. Мы обсудили наши ценности и пришли к выводу, что они у нас общие. Создавалось ощущение, что все мы насобирали в жизни столько травм, что сейчас соединимся в одну большую семью и друг друга вылечим. Я уеду от жизни, которая мне давно перестала нравиться, и начну все заново с людьми, которые мне сразу стали близкими. И не надо сомневаться. Все просто: вот дом, вот кот, вот дети. «Мы тебя ждем». Все будет хорошо, и одиночество наконец отступит.

ЧАСТЬ 1. Из России – за любовью

Знакомство

Мне было тридцать четыре, когда я их нашла.

Со своим мужем я встретилась в интернете – на сайте знакомств. После смерти его первой жены уже прошло одиннадцать лет. Через две недели после знакомства в Сети мы впервые увиделись офлайн, через полтора месяца он сделал мне предложение (и я его приняла), через три месяца я забеременела, а через девять – переехала в Амстердам, к мужу и двум его дочкам-подросткам.

Большинство знакомых – и старых, в России, и новых, в Европе, – видели во мне только женщину, отчаянно стремившуюся найти мужа. В России в тридцать четыре года выскакивает замуж и немедленно рождает та, которая твердо решила «запрыгнуть в последний вагон».

В Европе тридцать четыре года не повод торопиться с замужеством, но поспешный брак и скорая беременность здесь также настораживают. Европейцы любят долго встречаться, долго жить вместе, и лишь спустя годы некоторые решаются придать отношениям официальный статус.

Я не особо люблю рассказывать нашу историю. Однако время идет, вопросы не иссякают, и мне приходится повто-

ряться. У этой истории есть две версии: короткая и длинная. Именно короткая и порождает вопросы. Но выслушать длинную готовы далеко не все.

Однажды вместе с Мирой – нашей общей с мужем годовалой дочерью – я пришла на прием к педиатру.

– Другие дети есть?

– Есть, две старшие сестры.

– Сколько лет?

– Пятнадцать и двадцать.

Врач оторвался от карты, которую заполнял, и оглядел меня оценивающе.

– Для таких взрослых детей вы хорошо выглядите.

– Нет-нет, я вторая жена их отца.

– Понятно. – Врач вернулся к записям. – Старшие дети живут не с вами?

– Средняя, Лола, – с нами, старшая – уже отдельно.

– Почему средняя дочь живет с вами, а не со своей матерью?

Многих интересует именно это. И я задала этот вопрос будущему мужу сразу после знакомства. До меня он сам отвечал на него целых одиннадцать лет, а теперь уже и я устала об этом рассказывать.

– Что ты обычно отвечаешь? – спросила я как-то мужа.

Он бросил сухо, даже резко:

– Мама нет.

– А если переспрашивают: «Как это – нет?»

– Говорю, что умерла.

– А если спрашивают от чего?

– Не отвечаю. Если они еще не поняли, что я не хочу говорить на эту тему, – это их проблемы.

Обрывать разговор и жестко отвечать на подобные вопросы я не могу – мне это кажется невежливым. Поэтому приходится лавировать между желанием не соврать и стремлением сохранить чужой секрет. Прошло пять лет, пока я не научилась внешне спокойно произносить: «К сожалению, их мама умерла очень рано. Девочки были еще совсем маленькими: Жасмине было пять лет, Лоле – полтора». Обычно после такой фразы уточняющих вопросов не возникает – видимо, информация о детях переключает внимание. Но слова сожаления неизменно звучат.

Самое утомительное – слушать сочувствующие возгласы и видеть трагические лица женщин.

– Бедные дети! – вздыхают все.

Да, отчасти бедные. Смерть мамы – большая потеря. Но после ее ухода в жизни девочек осталось много папы – живого, веселого, спортивного, иногда резкого, иногда слишком строгого.

– И как же они с этим живут?! – звучит следующий вопрос.

По-разному. Младшей, Лоле, с виду попроще; старшей, Жасмине (по-домашнему Жасе), сложнее. Но это сейчас. Я заметила: каждый год их жизнь без мамы меняется, посто-

янно возникает что-то новое. И даже я со временем по-другому проживаю эту ситуацию.

«Маму никто не заменит» – стандартная фраза, которую я слышу из года в год.

Раньше я бы могла сказать так же. Но сейчас точно знаю, ничто не заменит любовь, заботу, принятие. А их, к сожалению, может дать детям не каждая родная мама. Чем больше я занимаюсь темой отношений детей и родителей, тем очевиднее это становится.

В первые дни знакомства с будущим мужем я говорила те же самые слова, так что я понимаю всех, кто задает мне подобные вопросы.

Однако с годами этот факт нашей биографии стал для меня привычным. Я задала все важные вопросы мужу и детям, а также самой себе и психотерапевту.

Кульминация наступает в тот момент, когда звучит главный вопрос беседы.

– А от чего умерла их мама?

– Суицид, – бросаю я кратко. И точно знаю, чего ждать, потому что дальше всегда происходит одно и то же.

Повисает неловкая пауза. Мне хочется поскорее ее проскочить, но я сознательно молчу, давая собеседнику время самостоятельно справиться с эмоциями. Я знаю, как пойдет разговор, я прошла десятки таких разговоров и научилась отвечать на однообразные вопросы заготовленными фразами.

Мы уже прожили вместе годы. Теперь смерть Нигины – так звали маму Лолы и Жасмины – перестала быть трагедией. Как говорит Лола: «Это старые новости». Она стала частью нас – ее каждый из семьи принял и определил ее место в своем сердце. И она покоится там, как хранится у кого-то фотоальбом о поездке в Сочи пятнадцать лет назад. Для каждого это часть семейной истории, как и история других родственников. Моя бабушка покончила с собой, дедушка умер от рака, а мой папа был последним из восьми детей в семье.

Мы провели в разговорах сотни часов, оплатили десятки сеансов у психотерапевта. Как относиться к смерти Нигины, мы для себя определили – и каждый по отдельности, и все вместе. И теперь мы просто живем.

У Жасмины и Лолы после смерти мамы остался один значимый взрослый – их папа. Самый близкий и родной человек, далеко не идеальный. Он был вынужден включиться в жизнь дочек за обоих родителей. Он принял на себя ответственность за воспитание, как он его видел, и с точки зрения заботы, объятий и помощи по школе он отлично справлялся.

Первое время у меня было ощущение, что Нигина, мама девочек и первая жена моего мужа, как будто живет вместе с нами, и у меня были с ней свои особые отношения. В них были совершенно разные чувства. Разговоры о ней, ее фотографии по дому, воспоминания о ней, картины с ней. Боль-

шую часть времени я ее ненавидела за то, что она так поступила с дорогими мне людьми. Лишь изредка становилось ее жалко. Тогда мне хотелось обнять ее, сказать: «Как же тебе было плохо, что ты на такое решилась?!»

Иногда я мысленно говорила ей: «Посмотри, наша с тобой общая девочка летает на лентах под крышей. Надеюсь, ты это видишь?»

Я читала статьи и научные исследования на тему суицида, смотрела всевозможные интервью. Мне крайне важно было понять, как человек вообще принимает такое решение. Да, в юности я сама раздумывала о суициде, но это не то же самое. У нее же был прекрасный муж и отличные дети. Я не могла понять.

Но однажды наступил момент, когда я в душе поблагодарила ее за этот поступок. Ведь теперь я могу быть с ними, теперь они – моя семья. Если бы не случилось того ноября, у меня сегодня не было бы двух прекрасных старших и двух чудесных младших дочек и я не стала бы частью их жизни. Я понимаю, как это звучит, но я честно пишу о своих чувствах.

После переезда в Амстердам я постоянно подсчитывала, сколько времени я уже знакома с Лолой. Когда срок перевалил за два с половиной года, я выдохнула: теперь я по времени с ней уже дольше, чем была ее родная мама. Ведь Лоле было полтора, когда Нигины не стало, – к возрасту ребенка я прибавила еще период беременности ее матери. Теперь я

больше не боролась за право играть роль ее мамы.

Со временем мысли о Нигине стали приходить реже и почти исчезли. Теперь это моя (а не ее) семья. Все возникающие в семье сложности уже мои, какие бы причины их ни породили.

Нигина

Наверное, не было человека, который, узнав о самоубийстве Нигины, не спросил бы: «Почему она это сделала?» Я понимаю людей, задающих вопросы. Мы всё всегда проецируем на себя. Почему? Ведь я бы этого не сделала! Тогда как же надо было ее довести?!

– Никто не знает, – отвечаю я, предполагая, что мне не поверят. Большинство людей считает, что причина точно есть, а мы ее утаиваем.

– Как это – «никто не знает»? У нее же дети!

– У вас кто-нибудь из близких покончил с собой? – уточняю я.

Редко кто кивнет. Те, кто сталкивался с самоубийством, вряд ли спросят, почему человек так поступил, – они знают, что на этот вопрос нет ответа.

Лучше всего об этом однажды сказала Лола:

– Представь, Наташа: ты живешь, у тебя есть партнер по жизни – твоя жена, твой друг. Однажды ты приходишь домой, а его нет. Он покончил с собой, и тебе просто некому задать вопросы.

Наверное, это самое тяжелое для родственников – невозможность больше ни о чем спросить ушедшего.

Чаще всего люди пытаются объяснить суицид тяжелыми событиями в жизни человека: «у него был рак», или «у нее

погибла дочь», или «он был в долгах». Однако не каждый больной раком или потерявший ребенка накладывает на себя руки. И видимая причина у самоубийства есть далеко не всегда.

В моей семье было два суицида. Когда мне было девять, моя бабушка написала предсмертную записку и отравилась таблетками. Самоубийство Нигины оказалось вторым.

В детстве я совершенно не понимала, как такое могло произойти. Больше всего была мысль о том, что близкий, родной человек самостоятельно принял решение нас бросить. Бабушку забрала не болезнь, не тюрьма, не несчастный случай – она сама ушла в никуда.

Люди, в семье которых произошел суицид, чувствуют себя одиноко и изолированно. Самоубийство окружено молчанием и стыдом. Родственники погибшего испытывают боль потери, но не чувствуют себя вправе об этом говорить. И каждый хочет знать ответ на вопрос «почему?». Так было и у нас.

Когда нашей с мужем общей дочери Мире исполнилось четыре месяца, мы поехали в Дубай, чтобы там встретиться с его родителями. Естественно, там часто звучало имя Нигины. Эти разговоры вызывали у меня разные эмоции.

С одной стороны, я хваталась за каждую возможность получить о ней хоть какую-то информацию. О том, как они жили с моим мужем, какой была их молодость. Какой была сама Нигина? Как она относилась к детям? Стоило кому-то про-

изнести ее имя, я тут же начинала задавать вопросы. Но ответы не приносили успокоения. Наоборот, я испытывала к ней сильную неприязнь.

Периодически мне становилось плохо до тошноты. Моя семья была когда-то еще чьей-то семьей. Дети, после которых я чищу туалеты и чьи слезы я регулярно вытираю, на самом деле не мои. Я краем своей жизни зацепила их историю, которая тянется из далекого прошлого. Мое участие в ней минимально, и здесь, за этим столом, мне даже нечего рассказать в ответ.

Ну купили куртку, ну я сходила к Лоле в школу на собрание, была у Жасмины на отчетном концерте. И все – пока больше ничего. Я не меняла им памперсы, не сбивала температуру, не видела первых шагов, не отвела Лолу в первый класс, не утешала после первой плохой оценки.

Я сама не понимала своего странного желания знать о жизни, в которой меня еще не было, хотя знание причиняло мне колоссальную боль.

Только спустя четыре года я поняла свою мотивацию. Мне нужно было получить максимум информации о Нигине, потому что это была уже не ее, а моя семья. Узнавать детали счастливой молодости моего мужа и его жены мне было больно. Но этот период сформировал мою семью такой, какой я ее получила. Мне нужно было узнать как можно больше.

Я постоянно встречала людей, знавших о муже и девоч-

ках больше, чем я. И это сводило меня с ума. Каждый, с кем я случайно сталкивалась, рассказывал мне что-то новое. Все это давало мне понять: здесь очень мало меня и много других.

Странное чувство: живешь с людьми в одном доме, ежедневно обсуждаешь какие-то текущие проблемы, переживаешь конфликты и радости. Однако появляется кто-то, кого ты видишь в первый раз в жизни, и он знает о твоих самых близких гораздо больше тебя.

Меня не покидало ощущение, что я пропустила огромный кусок жизни и наверстать это невозможно. Чужие знают больше просто потому, что были тогда с ними, а мне приходится выискивать информацию, как в детективном фильме. Я постоянно приходила к мужу и переспрашивала: «Мне сказали то-то. Это правда?»

– Моя знакомая работала у них няней, они вместе с моими детьми занимались рисованием. Знаете, у Жасмины уже тогда был явный талант!

– Мы вместе ездили в горы, когда девочки были маленькими. Им так нравилось жить в палатках!

Меня бесила, злила, выводила из себя чужая осведомленность. «Пошли бы вы подальше со своими знаниями, – думала я каждый раз. – Вы все неправильно знаете».

В Дубае за ужином с родителями мужа кто-то опять упомянул Нигину. Лола резко встала из-за стола и вышла. Обычно подобные разговоры она переносила спокойнее. Я догна-

ла ее на улице.

– Лола, что происходит?

– Зачем они опять о ней? Почему постоянно о ней говорят?

– Я не знаю. Но скорее всего, она была свидетелем многих событий в их жизни, с ней связано много их воспоминаний. Хороших, теплых. Она была хорошим человеком.

– Но мы ничего о ней не знаем. Мы вообще ее не знаем. Зачем о ней говорить?

– Ты можешь узнать о маме как раз из таких разговоров. Или отдельно поговори с папой, он много сможет тебе рассказать.

– Я не знаю, как о ней говорить. Я даже не знаю, что я к ней чувствую.

– А как ты думаешь, что ты чувствуешь?

Лола заплакала, я попыталась ее обнять, прижать к себе покрепче. Никогда раньше я не видела у нее такой резкой реакции на тему мамы.

– Я думаю, это все из-за меня. – Лола произнесла это уверенно, как будто давно и точно это знает.

– Почему, Лола?

– Потому что она жила до меня, и они были счастливы. А потом родилась я, и ей стало так сложно, что она не хотела больше жить.

Бедный ребенок, как же ты жила столько лет с этой мыслью! И как же мне самой не пришло в голову, что об этом на-

до поговорить именно в разрезе вины, вывести тебя на этот разговор?

Позже, общаясь с психологами во время работы над своими проектами, я узнала: первое, что делает ребенок в любой травматичной ситуации, – берет на себя вину. Даже если ее быть совершенно не может: чья-то смерть в результате болезни, развод родителей, конфликт в семье. А значит, первое, что нужно сделать в стрессовой ситуации, – четко и понятно донести до ребенка: «Ты ни в чем не виноват». И повторять это регулярно.

– Она очень тебя любила и очень ждала. Она хотела, чтобы ты у нее была. Посмотри на фото, где вы вместе. Она безумно счастлива. Она хотела как можно больше времени проводить с тобой. Она вас с Жасей обеих очень-очень любила.

– Откуда ты знаешь?

– От папы, из ее дневника, и я вижу это на фотографиях. Я вижу, как она счастлива, когда держит тебя на руках. Ты была ее радостью. Так что ее смерть – это совсем не твоя вина.

Лола продолжала всхлипывать, но уже тише.

Дневник Нигины я нашла случайно – после ее смерти о нем, наверное, забыли. Из всей семьи я прочла его первой, хотя у меня и не было на это права. После меня он дошел до девочек. Думаю, многие приемные родители состояние бы отдали за такой источник информации о родной маме их детей. Там было много ее, их мамы. И это дало мне

возможность понять, какой она была и какой останется в памяти.

Всех, кто был в жизни моей семьи до меня, из нынешней жизни я вскоре исключила. Спустя четыре года мне было уже не так страшно и неприятно, но пережитое ощущение полного бессилия стало для меня триггером, спусковым крючком. Стоило столкнуться на улице с кем-нибудь из тех, кого я вычеркнула из жизни своей семьи, мне становилось физически плохо. Но при этом я не упускала возможности узнать что-нибудь новое о Нигине, если подворачивался случай.

Иногда в нашей жизни появлялись люди, которые могли рассказать о ней то, чего мы не знали. Обычно они находили меня в социальных сетях, потому что писали девочкам, а те им не отвечали. Кто-то представлялся подругой, кто-то – соседкой. Я не особо понимала, как к ним надо относиться, но узнавать о Нигине было интересно и неприятно одновременно.

Другим надежным источником информации о прошлой жизни семьи оказались видеокассеты. Мой муж и Нигина делали эти записи, когда жили в Австралии. Видеокассеты где-то затерялись, а обнаружили мы их, можно сказать, тоже случайно.

На пороге восемнадцатилетия Лола увлеклась видеосъемкой. Она уже твердо решила стать режиссером. Она нашла дома старую камеру и кассеты и хотела использовать их для своих экспериментов. Но, к счастью, сначала спросила

разрешения.

– Папа сказал, надо посмотреть, что на пленках и можно ли их перезаписать. Сомневаюсь, знал ли он, что на них. Я увидела, что это домашнее видео, но тоже не сразу поняла какое. Мне ведь просто нужна была камера и пленка. Но я решила все-таки посмотреть эти записи и почувствовала связь. И тогда мне хотелось структурировать свои мысли, систематизировать их. Чем больше я смотрела, тем больше я видела ретроспективу жизни. И это стало шоком. Впервые я увидела маму своими глазами и сформировала собственное мнение о ней. Не Жаси, не папы – свое. Я увидела, каким она была человеком или каким была бы, если бы осталась жива.

Эти записи мы смотрели с Лолой вместе. Она их оцифровала – ей было важно их сохранить в удобном формате, ведь VHS нам даже смотреть толком было негде.

Какие-то моменты в этих видео было сложно видеть мне, какие-то – Лоле. И тогда мы ставили запись на паузу и разговаривали. Потом включали снова и смотрели до ночи. Расходились по спальням и продолжали смотреть на следующий день.

Видеозаписей – восемнадцать часов. Просто жизнь. Просто прогулки по морю. Просто дом, в котором болеют дети. Это был лучший рассказ о Нигине и о моей семье.

Когда появились первые видеокамеры, люди снимали все подряд. Иногда просто ставили камеру на стол и нажимали запись. И обычная жизнь обычной семьи попадала на плен-

ку.

В кадре никто надолго не задерживался, маленький прямоугольник, окно в прошлую жизнь, часто был пустым. Кто-то прибежал, потом убежал. Но было слышно, как они общаются, даже если их самих не было в кадре. Было очень интересно наблюдать за их отношениями.

Вот камеру взяла Нигина, она снимает Жасмину и Лолу. Они купаются в ванне, им столько же, сколько сейчас моим Мире и Кае. Все знакомо: старшая крепко обнимает младшую, а та вот-вот погрузится в воду. Голос Нигины: «Жася, аккуратнее». Я бы тоже так сказала. Какое жуткое дежавю!

У нас та же деревянная лошадка. Те же пирамидки и другие игрушки. Мама дорогая, как же мой муж среди этого живет?! Это же все было! Хулиганистый второй ребенок, осторожный и ранимый первый. Весь смех и умиление второму. Первого просят не шуметь, помочь что-то принести, достать упавшую игрушку. Это же мы – только семнадцать лет назад!

Но там не я, а другая женщина. Молодая, веселая, внешне спокойная. Она явно мягче меня, но может быть такой же жесткой. «Хочешь мартини?» – предлагает ей муж. «Лучше водки», – отвечает она. Моему мужу не везет на мягких жен.

Эта женщина совсем не похожа на классическую мусульманскую жену, по крайней мере, как ее представляю я, возможно, из-за стереотипов. Она немногословна, непринужденно смеется, поддразнивает детей и мужа. Я бы с ней подружилась. Она классная.

Лола смонтировала фильм – нарезала кадры той жизни, сделала субтитры со своими мыслями. Это оказалась отличная психотерапия. Лола говорила о боли, об обиде, задавала вопросы и сама на них отвечала. Мы отсматривали кассеты несколько вечеров. Мне было интересно не меньше, чем Лоле.

Я видела своего мужа, каким он был много лет назад. Я слушала, как он спрашивает, а его жена отвечает. Я пыталась понять, случались ли у них конфликты. И насколько верно альбомы с фотографиями, полными счастья, отражают действительность. На видео реальные люди ходили и смеялись. Я ловила их взгляды, слышала шутки, видела реакции.

Лола работала над фильмом долго. Он был уже готов, и она нажала кнопку «Сохранить». В этот момент компьютер отключился – все пропало. Лола очень плакала. Папа пытался восстановить файл, спасти хоть что-нибудь, но не смог.

И тогда Лола смонтировала фильм по новой. Прodelала всю титаническую работу еще раз – вышло даже лучше. Получился очень глубокий, на мой взгляд, фильм. Сейчас она, вспоминая весь процесс, говорит в единственном числе: «Я сидела, я смотрела». Она, наверное, не помнит, что я была рядом. Что мы смотрели видео вместе. Но в этом-то и прелесть. Я смогла быть рядом с ней, мы переживали вместе – но у нее осталось ощущение, что она прошла этот путь сама. Это ее история и история ее мамы.

Им надо было побыть вдвоем.

Самоубийство рациональному объяснению редко поддается. Но так бывает: человеку по каким-то своим, не объективным, на наш взгляд, причинам может стать настолько плохо, что смерть вдруг предстает оптимальным выходом.

Не всякий суицид завершается «успешно». Некоторые выжившие после попытки самоубийства рассказывают, что в тот момент они были убеждены: без них будет лучше всем, даже их детям.

Родственники погибших проходят разные этапы отношения к ситуации. И интенсивность эмоций бывает разной. Первое, о чем я подумала, когда впервые услышала о самоубийстве Нигины, – моя бабушка тоже покончила с собой. Удивительно, как люди с похожими ситуациями в жизни находят друг друга.

Калейдоскоп мыслей крутился еще долго. Как она могла сломать им всем психику, оставить мужчину и двух маленьких детей, бросить в ситуации, когда даже не было денег на няню!

Когда кому-то из девочек в очередной раз становилось плохо, я ее ругала и обвиняла: «Это всё последствия твоего поступка, как ты не подумала, что твои дети будут травмированы настолько, что всю жизнь будут залечивать эти раны».

Позже я обсуждала эту тему со своим московским психологом, и она мне сказала: «Наташа, это уже ваша се-

мья. И разгребать какие-то проблемы из прошлого и какие-то текущие сложности придется вам. Хватит оглядываться на прошлое. Ну были какие-то люди – и были. А теперь есть вы».

И я, выйдя от психолога, отправилась к моей семье.

Первая встреча

Когда самолет приземлился в Амстердаме и я написала будущему мужу, что прилетела, он тут же откликнулся: «Лоле нужно двадцать минут на сборы».

Мы собирались впервые встретиться после знакомства в Сети. Я ожидала завтрака тет-а-тет. Но оказалось, что с нами будет Лола. Первая паника от такого стремительного погружения в семью сменилась облегчением: значит, я могу прийти с племянницей. Наша с ней поездка в Амстердам была запланирована задолго до моего знакомства с будущим мужем. Даша чуть старше Лолы, и я знала, что она меня поддержит, возьмет за руку, обнимет и выручит, если надо будет сбежать. Так что я была рада, что на первой встрече с Лолой буду не одна, потому что встреча с Лолой пугала меня больше, чем встреча с ее отцом.

Когда ребенку лет пять-шесть, с ним можно поболтать о детском. Если шестнадцать, можно говорить почти как со взрослым. Но Лоле было одиннадцать – совсем непонятный возраст, ясно, что она еще не взрослая, но уже и не ребенок.

Мы договорились встретиться у Эрмитажа Амстердам¹. На первом свидании часто неловко, а тут с нами было двое

¹ Эрмитаж Амстердам (нидерл. Hermitage Amsterdam), или Эрмитаж на Амстеле (нидерл. Hermitage aan de Amstel), – музей и выставка на реке Амстел в Амстердаме. Филиал Эрмитажа в Санкт-Петербурге. *Прим. ред.*

детей – по одному с каждой стороны. В таком случае фокус внимания сразу перемещается на них. Сначала это кажется странным, неромантичным, зато объединяет. Ты вдруг понимаешь, что вы уже в одной лодке. Что вы оба беспокоитесь не о себе, а о них, стесняетесь не друг друга, а их. И все сразу становится понятно.

В назначенном месте мы с Дашей оказались немного раньше. Мы видели, как они паркуют велосипеды в десяти метрах от нас. Первое, что я заметила в Лоле, – невероятного цвета глаза. Потом уже обратила внимание на овал лица, ровный маленький нос, волнистые каштановые волосы. Они были стянуты в тугий хвост. Миниатюрная одиннадцатилетняя Лола была очень просто одета: узкие джинсы, флисовая кофта, нелепые, как будто на два размера больше, ботинки. Девочка часто улыбалась, прикрывая рукой брекеты.

Через двадцать минут мы оказались в кафе, друг напротив друга. Я исподтишка ее рассматривала и думала: «Ну что, маленькая девочка, нам с тобой придется жить вместе. Неужели я сейчас смотрю на своего будущего ребенка?»

Ситуация была действительно странной. Два взрослых человека впервые встретились полчаса назад, но уже обсуждают гипотетический переезд одного к другому. При этом разговоре присутствуют двое достаточно взрослых детей, которые смутно догадываются о том, что здесь происходит.

Будущий муж представил меня Лоле другом их семьи. Девочка восторженно разглядывала то меня, то Дашу, периоди-

чески усаживалась на колени папе, а через несколько секунд возвращалась на свое место. Мне показалось, она не понимает, как себя вести в этой новой компании. Каждые пять минут она поправляла на голове бант, который развязывался. Этот бант говорил сам за себя.

Как я потом узнала, всю одежду детям покупал папа. У них был настолько ограниченный набор вещей, что я сначала заподозрила его в бесконечной жадности. Весь гардероб девочек умещался в двух маленьких ящиках. В доме было правило: если покупаешь новую майку, то выкидываешь старую. Так у них всегда было по паре джинсов, футболок и свитеров.

Лола приехала на встречу со мной в том, что купил ей папа во время очередного онлайн-шопинга: флисовой фиолетовой кофте на молнии поверх шелковой майки на два размера больше нужного, джинсах и больших теплых ботинках. И именно бант был квинтэссенцией Лолы – большой, мягкий, она завязывала его на разный манер. Она где-то нашла шелковый шарф и добавила к одежде, купленной папой, свой элемент. Этот бант – крошечное дополнение – многое говорил о Лоле. И мне стало понятно, что для начала путь к ее сердцу можно проложить через поход по магазинам.

В тот день в моей сумке лежало несколько пузырьков с лаками для ногтей – я решила, это самое простое, что можно подарить одиннадцатилетней девочке и что ее наверняка порадует. И не ошиблась. На следующий день после шопинга

мы красили ногти, крутили бигуди и изучали в соцсетях аккаунты известных фешен-блогеров.

Лола радовалась любой моей идее, подхватывала каждую мысль, слушала, приоткрыв рот, – и удивлялась всякой ерунде. Я тогда еще подумала: «Неужели мне правда повезло? Какая легкая и жизнерадостная девочка!»

Когда-то давно, совсем маленькой, Лола сильно разбила бровь. Наложили швы, но шрам остался. Серьезные травмы у Лолы случались часто – едва ли не раз в год. Папа к этой ее особенности привык, в больнице Лолу тоже знали и даже подшучивали, когда она попадала туда в очередной раз. Уже при мне ей пришлось зашивать раны на обеих щиколотках.

На шрам на брови я обратила внимание почти сразу. На нем не росли волосы, и Лола регулярно проверяла, не исправилась ли ситуация. «Он мне не нравится», – говорила она, часто поправляла бровь, стараясь прикрыть рубец, и все ждала, когда же он исчезнет.

Однажды я решила: «Лола, он не исчезнет. Давай привыкать к тому, что он есть».

– Как не исчезнет? – Ее глаза наполнились слезами.

– Это же шрам. Он навсегда. Он – твоя особенность.

Лола уже почти плакала. Я поняла, что надо срочно что-то делать, и вспомнила, что она обожает Гарри Поттера.

– Шрам отличает тебя от других. Он у тебя почти как у Гарри Поттера.

Лола вздохнула, еще раз посмотрела на себя в зеркало, с силой потерла бровь пальцем и, кажется, наконец приняла себя такой, какая есть.

В начале отношений хочется разговаривать. Обсуждать новый сериал, книги и кому как нравится проводить отпуск. Хочется сидеть на лавочке у канала и смотреть на проплывающие лодки. Именно это формирует из двух отдельных людей пару: знания друг о друге, совместный опыт, общие эмоции. Однако в нашей ситуации к традиционным атрибутам сразу прибавились дети.

Не только первая, но и почти все последующие встречи проходили в их присутствии. Разговоры по телефону – преимущественно о них же. Переписка тоже – о проблемах со старшей дочерью моего будущего мужа и о спортивных успехах младшей.

Мы, взрослые, почти не говорили ни о себе, ни о чем-то абстрактном. Большую часть времени мы разбирали, почему Жасмина убежала из дома, как Лола переживает за свою гимнастику и помогает ли куриный бульон вылечить простуду. Путь, которым мы двинулись, был абсолютно тупиковым: будущий муж ждал от меня эмпатии, когда рассказывал о своих методах воспитания детей, а получал осуждение. Я видела массу ошибок по отношению к детям, и в роли родителя я бы поступала по-другому. Я говорила ему об этом и получала отпор.

Дети присутствовали рядом с нами почти постоянно. Иногда они поднимали темы, которых взрослые избегали.

«Наташа, а мы теперь будем жить вместе?»

«А если с папой что-то случится, ты останешься с нами?»

«А если у тебя будет свой ребенок, ты кого будешь больше любить?»

И было непонятно, как отвечать на такие вопросы.

Когда в отношениях активно присутствуют дети – не пережидают у бабушек, пока взрослые строят отношения, а находятся все время рядом, пара изначально многого недобирает – она, по сути, не формируется.

Конечно, на свидании хочется проводить время с женщиной, а не с детьми. И говорить – о нас, а не о них. И слушать комплименты, а не жалобы на детей. Все не дававшие мне покоя мысли, мои страхи начинали казаться не такими уж значимыми – они терялись на фоне проблем детей.

В первый момент мне остро захотелось им всем помочь, а во второй – сбежать. Вот прямо сейчас перенестись куда-нибудь, где меня спросят: «Наташа, а что ты любишь? Какие тебе нравятся фильмы? Как обычно ты проводишь вечера?»

И все же дети на свидании с женщиной – это бесконечное доверие: кажется, он приоткрыл тебе важную, бесценную часть своей жизни. И нужно по достоинству оценить этот подарок. Дети на свидании – это открытость и прозрачность. У взрослых в такой ситуации просто нет возможности

быть неискренними, лукавить, недоговаривать, колебаться. Если я так интегрирована в жизнь детей, а дети в мою – значит, мы уже семья.

Дети часто и не вовремя задают «детские» вопросы – прямые и откровенные. Они обнажают наши проблемы, шероховатости в отношениях, пробелы в понимании себя. Если вы хотите быть честным с ребенком, придется сначала стать честным с самим собой. И эта честность может оказаться непривычной и весьма болезненной.

Когда ребенок вдруг задает неудобный вопрос, родители (или вообще взрослые) чаще всего поступают стандартно. Методы выработаны годами и опробованы многими поколениями: перевести разговор на другую тему, переключить внимание, пристыдить, обвинить за интерес к недозволенной теме.

Но на самом деле взрослые таким образом уворачиваются прежде всего от ответа самим себе – перевести стрелки на детей оказывается намного проще.

Вторая встреча: римские каникулы

Мне было важно побыть с будущим мужем и его дочками на нейтральной территории – сложно приезжать в чужой дом, где я ничего не знаю, где все непривычное, не мое. Поэтому наша вторая встреча с Лолой состоялась в Италии. Рим – «мой» город, я знаю о нем все, чувствую себя в нем раскованно и комфортно.

Мой будущий муж снял квартиру на неделю. И начались прогулки по Вечному городу, пицца, паста, пармская ветчина и моцарелла.

В первое римское утро меня разбудил вкусный запах – Лола пекла блины. Стол на террасе был накрыт к завтраку. «Сказочная жизнь у меня впереди!» – подумала я.

Все выглядело просто идеально.

Жасмина щебетала о живописи и вообще об искусстве; ее папа рассуждал о музыке. Лола пекла блинчики и делала колесо вперед и назад. Прямо медовый месяц приемных родителей!

Однако стоило нам выйти из дома, Лола схватила папу под руку и утащила вперед. Мне осталась Жасмина. Это повторилось и на следующий день, и потом. Так я и провела всю неделю. С Жасминой мне тоже было интересно и приятно, но я-то хотела быть в любимом городе рядом с любимым человеком!

Однако рядом с ним всегда была Лола, я даже не могла взять его за руку. В ту же секунду она втискивалась между нами. Я злилась и молчала.

А еще я смотрела на Лолу и думала: на отца она не похожа – может, на маму? Худенькая, а ест очень много и постоянно делает стойку на руках. От этой девочки больше никаких ощущений – странноватый ребенок, который хочет быть сразу везде и умудряется заполнить собой все пространство.

Лола занималась спортивной гимнастикой и регулярно тренировалась. Обычное дело: сидит за столом, ест кашу, вдруг задумывается, откладывает ложку, встает, делает стойку на руках, через минуту садится обратно.

Во время прогулок Лола не пропускала ни одного бортика или возвышенности, постоянно делала колесо и задирала ноги выше головы. Это было здорово, но меня утомляло – я чувствовала себя обязанной постоянно восхищаться. Папа же, бывалый родитель, автоматически произносил: «Ага-ага, классно» – и даже не поворачивал к дочери головы. Зато когда она пыталась выполнить новый трюк, он давал ей почти профессиональные советы.

Маленькая чужая девочка. Пахнет чужим ребенком и уже даже почти не ребенком. Потискать невозможно – обнять не хочется. Мне как-то стало даже неудобно от идеи прижать ее к себе. Мне мешала моя грудь. Подобного дискомфорта раньше я никогда не испытывала – спокойно обнимала сестру и племянницу и не стеснялась. С Лолой же вдруг вылезли

наружу самые незнакомые ощущения.

Мы гуляли по Риму. Я надела темные очки – это позволило, не скрываясь, разглядывать ее.

Остатки розового лака на ногтях. Волосы постоянно собраны в хвостик. Прыщики на носу. Брекеты. Я не принимала ее такой, какая она есть. Мне хотелось поступить как папа Карло: взять топорик, отсечь все лишнее и получить красивую девочку, которую пока не видно. Мне хотелось, чтобы она стала кем-то, кем тогда еще не являлась.

– Боже мой! – ужаснулась я, заглянув как-то Лоле в уши.

Я весь день думала, как сказать об увиденном ее папе. «Наверное, он не учил их чистить уши», – я наконец нашла объяснение. Ну да, вот что значит жить без мамы! И я сразу же ощутила себя нужной. Однако Жасмина неожиданно разбила мою иллюзию.

– Лолика, что у тебя с ушами?!

Нет, значит, они чистят уши, если даже старшая сестра может заметить такие вещи. Я обрадовалась и расстроилась одновременно.

Лоле часто удавалось меня удивить. Несмотря на свой возраст, она, как оказалось, умела тщательно хранить секреты – вела себя будто отлично подготовленный агент ЦРУ. Хоть пытай ее по поводу папиной личной жизни до меня – не расколется. Я испробовала все свои взрослые возможности, задавала наводящие вопросы – вдруг, думала я,

она не поймет, что к чему, и нечаянно сдаст явки-пароли.

– Лола, – заводила я как бы между делом, – а вот когда папа встречался с N...

– Встречался? Папа вроде ни с кем не встречался. – Лола произносит слово «папа» на французский манер, ставит ударение на второй слог. – N – просто его старая подруга.

N была француженкой и точно присутствовала в их доме до меня. Но ни Лола, ни папа не комментировали ее статуса. Мне же было важно знать, что происходило в жизни мужа между смертью его первой жены и нашим знакомством, а выяснить это не получалось.

Годы спустя я поинтересовалась у Лолы, почему она ничего не рассказала мне про N. Но и повзрослевшая Лола гнула свое:

– А они были вместе?!

– Лола, прекращай. Вы же вместе ездили отдыхать. – Я напикнула на фото из того отпуска. N была знакома с детьми, что для меня означало, что у них были серьезные отношения.

– Я не знала, какие у них отношения. Я боялась спросить, – призналась Лола.

– Почему?

– Мне казалось, я могу все испортить. Мне нравилось, что у нас дома бывает кто-то еще. И я очень боялась, что N исчезнет.

В один из дней в Риме мой будущий муж с самого утра,

а потом и всю прогулку говорил, что хочет подарить девочкам сережки. Мы зашли в ресторан пообедать, сделали заказ, и, пока ждали еду, он достал две коробочки. Одну протянул Жасмине, вторую Лоле. Девочки обрадовались. Я улыбалась: смотреть на это было и вправду приятно, они обычно реагировали так искренне.

И вдруг он достал третью коробочку, шагнул ко мне, опустился на одно колено, и я услышала что-то про «замуж».

С момента нашего знакомства в интернете прошло чуть больше месяца, с первой очной встречи – три недели. Если честно, его слова не оказались такой уж неожиданностью. Он предложил совместную поездку в Рим и множество раз уточнил, какое у меня в этом городе любимое место. Было понятно: он что-то планирует. Но предложения руки и сердца в присутствии девочек я никак не ожидала.

Я взяла коробочку и кивнула. Официант принес тарелки. Ощущения были странными – одновременно радость и досада. Мне казалось, я полностью в семье – с мужем и дочками. Но вот с мужем мы не были парой, не было у меня здесь и личного пространства. Мне не удавалось ни разглядеть, ни нащупать границы между «мы-семья» и «мы-пара». В моей жизни не осталось ни одной сферы, в которой отсутствовали бы дети, – даже предложение выйти замуж я получила не с глазу на глаз.

С того дня прошло несколько лет, и Лола недавно поделилась со мной воспоминаниями:

– Мы пошли в парк, там была длинная лестница. Жасмина шла сзади, я прыгала впереди, а ты и папа шли между нами. Это было примерно через час после того, как папа сделал тебе предложение. Я оглянулась, увидела, какие вы счастливые, и подумала: «Вот, это настоящее счастье. Такой должна быть жизнь. Идеальной». А потом мы с папой делали цирковые трюки в парке, и это все было очень ярко, эмоционально. Наверное, поэтому та поездка и сама Италия так мне запомнились, стали для меня таким радостным моментом.

Как потом оказалось, тяга к совершенству Лолу преследовала всегда. Все должно было быть идеальным, а когда получалось по-другому, ее накрывало волной разочарования, грусти и злости. К сожалению, идеально не было почти никогда. Жизнь вообще неидеальна.

Уже много лет я не могу узнать, что же за отношения связывали моего мужа и Н. Я не раз пыталась это выяснить разными способами, но у меня так ничего и не вышло.

– Зачем копать в прошлом? – отвечали подруги на мои жалобы. – Лучше же ничего не знать.

Для меня это не так. Мне важно знать, кто был замещающей материнской фигурой для моих девочек. Какой была эта женщина? Чему их учила? Представьте только: с вашими детьми без вас общалась какая-то женщина и вы даже не имеете представления, какая она!

В разговорах с мужем я регулярно возвращалась к этой

теме, задавала всё новые вопросы в надежде, что на какой-то из них услышу ответ.

– Как получилось, что Лола боялась спросить о ваших отношениях с N?

– Не знаю, – как обычно, односложно откликнулся он.

– Но обо мне Лола спросила тебя почти сразу. Мы ведь тогда еще даже не виделись – только переписывались, – напомнила я.

– Не знаю, честно. – Похоже, у него и вправду нет объяснения. – У нас с N такие отношения были, мы то сходились, то по полгода не встречались. Я не знаю.

Много лет прошло, но меня до сих пор ужасно бесит, что я не получила никакой информации о присутствии этой женщины в его жизни и в жизни детей.

Чашки, ложки и ковры

Первые два года жизни в Амстердаме я все время боялась нарушить привычный образ жизни семьи и поэтому многое делала в ущерб себе. Мне казалось, эти жертвы необходимы, чтобы выстроить гармоничные и спокойные отношения. Действительно: невозможно приехать в дом, где люди живут больше десяти лет, где сложились быт и традиции, и начать устанавливать свои правила.

Соппротивление вызывали даже незначительные шаги, которые я начала предпринимать через полгода после переезда. Возможно, отстаивая свои границы увереннее, я не чувствовала бы себя жертвой и не срывалась бы периодически на скандал, устав под всех подстраиваться.

Но тогда я пришла в этот дом спасать и приспособливаться. Бедные дети, бедный мужчина, проживший больше десяти лет один! Ну вот же я! Я сейчас все быстренько почию, и всем станет хорошо!

И я начала действовать. В каких-то ситуациях это было детям в радость – когда я, к примеру, водила их по магазинам. Но в других случаях мои нововведения были очень некстати. Например, Жасмине не нужна «мама» – у нее ведь была своя. А Лоле не нужна женщина, которая учит ее тихо чихать и сморкаться, – Лола хочет все делать громко. Мужу не нужна женщина, которая по-своему воспитывает его

детей.

Когда я видела, что мои попытки делать добрые дела не вызывают радости, а скорее даже наоборот, мне становилось плохо. Очень плохо. Моя ценность в собственных глазах стремительно таяла. А ведь я так старалась!

Крайне подавленная, я выходила на улицу, садилась на скамейку и прижимала к себе месячного ребенка – недавно родившуюся Миру. Мне становилось ужасно себя жалко, а от несправедливости хотелось плакать. В горле вставал комок, как это бывало только в детстве – когда хочешь заплакать, но не можешь. На скамейке я уставала, замерзала и с чувством тотальной несправедливости возвращалась. В моем новом доме мне было неуютно и хотелось многое поменять. Но я не чувствовала за собой права предложить изменения – они ведь нужны лично мне. Так постепенно укреплялось ощущение, что у меня много обязанностей, но совсем нет прав.

Дом был заполнен детскими поделками и рисунками. Они были развешаны на дверях и на стенах с помощью скотча. Периодически листы с шуршанием опадали на пол. Некоторым из рисунков было лет по семь-восемь, муж привез их еще из Австралии. Выглядели они соответствующе: краски выцвели и облупились, бумага скукожилась и пошла пятнами.

Некоторые рисунки были заламинированы и использовались как подставки под тарелки, чашки и даже кастрюли. Ла-

минация не выдерживала температурных перепадов и вообще бытовой эксплуатации – пластик расслоился, в трещинах застряли крошки еды, так что даже в начале ужина хотелось протереть все поверхности заново. Я безуспешно пыталась найти повод купить нормальные сервировочные коврики вместо этих самодельных. Но они считались священными.

Добраться до поверхности полок и подоконников тоже не получалось – на них стояли детские поделки из глины. Все покрылось толстым слоем пыли, и избавиться от нее было уже невозможно. Как, впрочем, и определить, кого пытались изобразить девочки – животных, цветы или просто абстракцию.

Поделки были творчеством маленьких детей, которые теперь выросли, и запыленные воспоминания их уже совсем не интересовали. Зато меня они тревожили ежечасно. Я сходила с ума от отсутствия «своей» эстетики, но попытки заменить коврики на стол красивыми и модными, а поделки из глины убрать подальше встречали резкий отпор. Особенно протестовала Лола. Она называла это «памятью», но хранить ее в своей комнате наотрез отказывалась.

Еще меня сводили с ума чашки – разные по размеру, цвету и форме, многие со сколами и трещинами. Но они были вообще неприкосновенны – каждый из домочадцев дорожил своей посудой. Я предложила оставить из существующего множества три любимых, а остальные заменить красивым сервизом. На такой вариант наложили вето – страшненькие

кривые чашки были неприкосновенным результатом детского творчества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.